

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ДИНАМИКИ КОННОТАЦИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ НА РУБЕЖЕ XX — XXI ВВ.

В. М. Никонов

Липецкий государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 26 декабря 2008 г.

Аннотация: в статье рассмотрена коннотативная динамика слов в русском литературном языке рубежа веков. Указаны сферы «порядка и беспорядка» в осмыслении происходящих в русском языке/речи процессов, представлено собственное видение соотношения хаоса и космоса в их лингвокультурологической интерпретации.

Ключевые слова: коннотация в динамике, СМИ, речевая культура, словари разных типов, стилевые и стилистические пометы в словарях, лингвистическая прогностика.

Abstract: the article describes dynamics of connotative components of words in the Russian literary language at the turn of the 20th century. The spheres of «order and disorder» are shown in the interpretation of modern processes in the Russian language/speech. The author presents his personal vision of correlation between chaos and space in their linguo-cultural interpretation.

Key words: connotation in dynamics, mass media, language/speech culture, dictionaries of different types, style and stylistic labels in dictionaries, linguistic prognostics.

Учитывая неразрывность языка и литературы в рамках *словесности*, вслед за Ю. Е. Прохоровым попытаемся определить ее настоящее положение и разрешить ряд частных вопросов в рамках общей проблемы данной статьи. Ю. Е. Прохоров говорит о *хаосокосмологии* общения, позволяющей видеть не только хаотическое состояние современного российского общества, осложняющее пользование языком как системой систем, но и выявить в конечном счете оптимистическую составляющую лингвокультурологических проблем.

Рассуждая о соотношении хаоса и космоса, Прохоров пишет: «Космос как обозначение структурно организованного и упорядоченного мира противопоставлен хаосу, который — «принцип и источник всякого становления, вечно творящее живое лоно для всех жизненных оформлений» [1].

Экстраполируя эти общефилософские рассуждения на состояние современного русского литературного языка, обратимся непосредственно к языковой/речевой стороне — доминанте нашего исследования: «Обилие сфер порядка и беспорядка, — продолжает Ю. Е. Прохоров, — оборачивается обилием их форм, а обилие форм — избытием соответствующих им слов, причем лексическое пространство оккупировано преимущественно словами беспорядка, отмечающими разные виды отклонений от норм, специфических для каждой сферы» [1]. И далее — важные в методологическом и лингводидактическом отноше-

нии положения: именно в таком «доупорядоченном состоянии» находятся в сознании человека те элементы различных пространств, которые с момента начала коммуникации начинают «приходить в порядок», необходимый для данной конкретной ситуации общения — начинает создаваться космос общения как структурно организованное и упорядоченное целое» [1, с. 483].

Какие же языковые элементы, как и при каких условиях оязыковляют различные пространства действительности? Какова при этом роль самой языковой личности, с одной стороны, а с другой — различных социолингвистических и прочих факторов? Каково отличительное качество, доминирующее в современной русской речи? Как используется в этих случаях язык?

В последнее время термин *карнавализация* — в духе Бахтина и Лотмана — убедительно представлен в труде В. Г. Щукина [2, с. 95—129], взятого нами в качестве диалектически выверенного подхода к двум, казалось бы, амбивалентным направлениям в искусстве слова, в языковой и особенно речевой практике, оказавшимся разорванными увлеченностью именно отрицательной коннотацией карнализации, отмеченной Н. Д. Бурвиковой и В. Г. Костомаровым.

Негативное отношение к наследию советской эпохи, постоянное глумление над всем советским определили соответствующие коннотации: «Ищутся языковые варианты, которые были бы противопоставлены кодифицированным, кажущимся тусклыми нормам литературного выражения. Определяющим

стало очевидное, пусть часто наивное стремление избегать слов, форм и способов выражения, свойственных советской эпохе, показать свою независимость от ее языка. <...> Грубые, а то и вульгарные выражения предстают признаком демократизма, открытости, прямоты — той именно «гласности», которая хоронила закрытость, засекреченность тоталитаризма с его однополушарным мышлением. Люди, приученные к осторожному выбору слов... с радостью перестали следить за своей речью, доходя при этом и до крайностей. Целые массивы слов меняют свою окраску: скажем, недавно негативные *оппозиция, фракция, эмигрант* нейтрализовались или даже приобрели позитивный смысл. Напротив, положительные или нейтральные *большевик, совет, соцсоревнование, партком* звучат отрицательно. Перепутались значения политических терминов *демократ, консерватор, левый и правый, красный, белый, коричневый* и т.д. В словаре в целом очевидны громадные передвижения из центра на периферию и наоборот. Очень многие слова и фразеологизмы уступили свое место и актуальность другим — окраинным, заимствованным, полузабытым литературным, вновь изобретенным — вышли из живого употребления, вспоминаются иронически или ностальгически» [3, с. 23—24].

Любопытно в связи с этим взглянуть на оценку советского в концепции В. Л. Махлина интересную для В. Г. Щукина и для нас: «Анна Ахматова как-то раз назвала А. И. Солженицына, родившегося в 1918 г., советским человеком и была совершенно права. С точки зрения поколения, то есть, в принципе, поколения Бахтина, советскими людьми были также А. Д. Сахаров или А. Д. Синявский. Все мы, родившиеся позже рокового августа 1914 года — в той или иной мере советские люди. Мы можем *понять*, что такое чистый понедельник и споры о сущности эроса в «башне» Вяч. Иванова, но нам не дано *ощутить* все это материально или, как сказал бы Бахтин, «телесно». Но значит ли это, что люди тридцатых, сороковых, пятидесятых или шестидесятых годов ХХ в., с их идеалами и пристрастиями, менее важны для русской культуры, а провозглашаемые ими ценности подлежат забвению? На мой взгляд, не все здесь так ясно и так просто... Чертой, определяющей умонастроение в школах 30-х годов, было унаследованное от трех-четырех поколений демократической интеллигенции убеждение в том, что *история разумна, развитие есть развитие к добру, лучшее — в будущем*, и потому отрицательные стороны действительности, бесспорно, существуют, но в высшем смысле несущественны, преходящи. Мера человеческой ценности — *участие в истории и ответственность перед ней*. Отсюда — комсомольский дух и весь общественный компонент в жизни школ, движение в конце 30-х годов в военные школы, массовое добровольче-

ство в начале войны <...> Важнейшей составной частью этого комплекса представлений было *уважение к культуре и культурной традиции* — специфическая черта 30-х годов в отличие от пролеткультовских 20-х или маргинально-контркультурных 60-х» [2, с. 126].

В приведенной цитате многое представляется ценным и стимулирующим пересмотр некоторых теоретических и лексикографических исследований современного русского литературного языка последнего времени, а в рамках этого — характеристику динамики коннотаций с включением в научный оборот новых исследований.

В центре наших рассуждений — проблема языковой личности, условий ее формирования в современной России.

О фундаментальных основах формирования языковой личности еще в 1982 г. писал Г. И. Богин: «Развитие языковой личности происходит следующим образом: (1) овладев принятыми в обществе высокочастотными средствами прямой номинации, переходит к (2) интериоризации речи, что открывает ей путь к (3) лексико-грамматическому многознанию и, далее, к (4) своеобразной свободе в выборе средств выражения из множества потенциальных субституентов. Достижение этой свободы позволяет развитой языковой личности (5) оперировать целым текстом таким образом, чтобы форма текста оптимально рефлексировалась в содержании, выступая как “содержательная форма”» [4, с. 12—13].

Продолжая рассмотрение *концепции* языковой личности, оформленной в трудах Ю. Н. Караулова, В. Н. Денисенко пишет: «Языковая личность рассматривается как личность, реконструированная в своих основных чертах на базе употребляемых ею языковых средств. На каждом уровне выделяются вариативная (подверженная изменениям) и инвариантная (постоянная, не подверженная изменениям) части, стереотипы, отношения и, если рассматривать языковую личность с точки зрения лингводидактики, готовности» [цит. по: 5, с. 6—7].

В работах о массовой культуре на рубеже ХХ—ХХI вв. находим объяснение особенностей функционирования языка/речи в России.

Так, рассматривая носителя русского языка, В. И. Карасик подчеркивает влияние модельной личности на все сообщество. При этом иерархичность модельных личностей, выстроенная ученым, коррелирует с исследованиями, выполненными в русле политической лингвистики А. П. Чудиновым и его школой, А. Д. Васильевой, И. А. Грачевым и др.

«Важнейшей характеристикой модельной личности, — отмечает В. И. Карасик, — является ее воздействие на все сообщество. Какие модельные личности выделяются в современной России?

... «Братан», «Новый русский», «Телевизионный ведущий». Первый тип — это криминальная личность, узнаваемая по <...> тюремному жаргону (*разборки, наезд, мочить, кидать*), специфической интонации (модуляционная манерная растяжка речи, частичная назализация, удвоение согласных в интервокальной позиции)... Отличие современного Братана от прежнего вора состоит в том, что он чувствует себя хозяином положения в стране и легко переходит в статус Нового русского, т.е. молодого малообразованного очень богатого бизнесмена, который сумел сколотить капитал нечестным путем...». Этот тип, как и первый, «изъясняется с помощью уголовного жаргона и прикличительных номинаций (характерный определитель — слово *типа*: «Я что, типа, быдло?»)... Третий тип — Телевизионный ведущий — «отличается высокой степенью интеллекта, образован, его речь безупречна, он свободно владеет иностранным языком, нормами этикета, склонен к тонкому юмору и иронии» [6, с. 30—31].

Соглашаясь с характеристикой третьего социального типа, заметим, что многие модные телеведущие перечисленными выше качествами не отличаются. Что же касается «нескрываемой эластичности морали», в отличие от модельной личности русского интеллигента, то, на наш взгляд, подобная «эластичность» может быть рассмотрена как эвфемизм синонимичного понятия, по-иному эмоционально-экспрессивно оцениваемого по другим параметрам, главный из которых традиционен — ВЛАСТЬ и НАРОД.

Если тип «Телевизионный ведущий», «в отличие от первых двух, ассоциируется с властью, является носителем голоса власти и в этом качестве резко противопоставлен» двум другим типам, то это противопоставление (учитывая нескрываемую «эластичность» морали телеведущих) излишне прямолинейно. Об этом свидетельствует исследование Н. В. Уфимцевой, которая, рассматривая *власть* в языковом сознании русских, по данным РАС (с 1994 по 2005 г.) делает следующий вывод о ее динамике: «в сознании наших испытуемых наиболее тесно связаны между собой *власть* и *управлять*, т.е. *власть* для них — это управление, а *управлять* означает власть». По данным 2003 г. (на материале Томской области), *власть* в сознании россиян — это прежде всего *деньги* (318), *сила* (220), *порядок* (89), *закон* (75). Это также *ответственность* (50) и *управление* (23). Но и *беззаконие* (88), *коррупция* (58), *несправедливость* (38), *беспредел* (36), *вседозволенность* (21), *обман* (21), *насилие* (20)...» Это представительная выборка из ответов 1500 испытуемых. В заключение Н. В. Уфимцева пишет: «... В сознании современных носителей русской культуры власть, прежде всего, ассоциируется с силой, а этой силой являются деньги. Носитель

русской культуры чувствует свое отчуждение от власти и не стремится к ней, поскольку считает, что власть портит человека» [7, с. 243—245].

Обратимся к возрастным особенностям коннотации в современном узусе населения России.

Исследования языка современного города (2008 г.) рассматривают «различия в значении слов аксиологической сферы, которые фиксируются в языке современных городских «детей» (студенческого возраста) и «отцов» (условно — тех, кому за сорок) <...> Семантика аксиологической лексики в языке «детей» более однородна, чем в языке «отцов», в котором в различных пропорциях сочетается старое и новое...» [8, с. 25—28].

Красноречива трансформация коннотации в хорошо знакомых словах: «Слово *принципиальность* воспринималось в языке «отцов» скорее положительно, чем отрицательно... В языке нынешних «детей» *принципиальность* имеет четко выраженную негативную окраску, поскольку соответствующая черта приравнивается к запретительству, связывается со сферой официоза и «собраний» и противопоставляется таким ценностям, как гибкость, умение находить компромиссы, гасить конфликты и чувствовать ситуацию (тому, что выражается модным словом *толерантность*)... Закономерно и обратное: глагол *приспосабливаться* ... постепенно утрачивает негативный ореол... Весьма любопытны трансформации, которые претерпела коннотативная окраска таких слов, как *карьерера, романтика, достойный, душевный, чудак, мещанство, откровенный; компромисс* и др. Выделяются факторы, определяющие изменения значения слов аксиологической сферы» [8, с. 25—28]. Изменение коннотаций у других слов проанализировано В. М. Шаклеиным [9, с. 250].

Налицо сложность и определенная ущербность развития литературного языка в России на рубеже веков.

Проследивая динамику коннотаций, необходимо выявить причины происходящего, оценить перспективы этого болезненного процесса, тревожащего общественность. Е. Е. Юрков, анализируя современную русскую речь в аспекте социолингвистики, отмечает доминирование особого стиля речи — *стёба*: «Негативное, ироничное отношение к подобным языковым фактам и стоящей за ними идеологии проявилось в появлении особого стиля речи, так называемого стёба, своеобразного языкового ерничества, отличительными чертами которого стали повсеместная ирония, цинизм, установка на осмеяние, пародирование. Не удивительно, что в качестве адекватных языковых средств для этих целей и стало использование жаргонизмов, сниженной лексики, вплоть до обценной, особого неупорядоченного «развязного синтаксиса» и т.п.» [10, с. 25—26]. Может, это хаос,

рождающий в муках гармонию? Прогноз автора мрачен: «По мере происходящих в стране изменений ернический пафос должен был сойти на нет, но этого не произошло. Пришло другое молодое поколение, а стёб на страницах газет, журналов (особенно молодежных) цветет пышным цветом». Исследование показывает скорее отрицательное отношение носителей языка к этому явлению. «А значит, есть надежда, что этот своего рода языковой бич будет преодолён» [10, с. 25—26].

Соглашаясь с автором, подчеркнем, что преодоление это крайне затруднено тем, что многие положения, постулируемые такими учеными, как В. В. Лопатин, и теоретически, и лексикографически получают лишь половинчатое разрешение. Достаточно сравнить его основополагающую работу по орфографии [11, с. 72—73] и словарь, изданный под его же редакцией [12].

Исследование И. А. Стернина рисует реальную картину стилевой стратификации в современном узусе: *литературные, разговорные и ненормативные* языковые явления. «Последние две группы реально объединяются в сознании носителей языка в более общую группу как *нелитературные...*» [13, с. 528].

Очевидно, предстоит еще громадная работа по формированию языковой личности носителя русского литературного языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Прохоров Ю. Е. Хаосокосмология коммуникации / Ю. Е. Прохоров // Языковая личность : текст, словарь, образ мира. К 70-летию чл.-кор. РАН Ю. Н. Караулова : сб. статей. — М., 2006.
2. Щукин В. Г. Дух карнавала и дух просвещения (Бахтин и Лотман) / В. Г. Щукин // Вопросы философии. — 2008. — № 11.
3. Бурвикова Н. Д. Особенности понимания современного русского текста / Н. Д. Бурвикова, В. Г. Костомаров // Русистика : лингвистическая парадигма конца XX века : сб. статей. — СПб., 1998.
4. Богин Г. И. Филологическая герменевтика / Г. И. Богин. — Калинин, 1982.
5. Денисенко В. Н. Метод семантического поля и языковая картина мира (наименования изменения в русском языке) / В. Н. Денисенко // Вестник РУДН. — Сер. : Лингвистика. — 2006. — № 8.
6. Карасик В. И. Речевое поведение и типы языковых личностей / В. И. Карасик // Массовая культура на рубеже XX—XXI веков : человек и его дискурс : сб. науч. тр. / под ред. Ю. А. Сорокина, М. Р. Желтухиной. — М., 2003.
7. Уфимцева Н. В. Власть и авторитет в языковом сознании русских / Н. В. Уфимцева // Русское слово в русском мире — 2005 : государство и государственность в языковом сознании россиян : сб. науч. статей / под ред. Ю. Н. Караулова, О. В. Евтушенко, И. В. Ружицкого. — М., 2006.
8. Березович Е. Л. «Отцы и дети» в лексической семантике (о «поколенческих» различиях в значениях слов аксиологической сферы в языке современного города / Е. Л. Березович // Язык современного города : тез. докл. Междунар. конф. Восьмые Шмелевские чтения. — М., 2008.
9. Шаклеин В. М. Историческая динамика концептосферы русского языка / В. М. Шаклеин // Язык и культура в филологическом вузе : актуальные проблемы изучения и преподавания : сб. науч. тр. — М., 2006.
10. Юрков Е. Е. Современная русская речь в аспекте социолингвистики / Юрков Е. Е. // Русистика и современность : материалы X Междунар. науч.-практ. конф. — Т. 1 — СПб., 2007.
11. Лопатин В. В. О некоторых нормативно-стилистических проблемах орфографического словаря / В. В. Лопатин // Облик слова : сб. статей. — М., 1997.
12. Русский орфографический словарь: около 180 000 слов / О. Е. Иванова, В. В. Лопатин, И. В. Нечаева, Л. К. Чельцова ; под ред. В. В. Лопатина. — 2-е изд., испр. и доп. — М., 2007.
13. Стернин И. А. Стилистическая характеристика слова в обыденном языковом сознании / И. А. Стернин // Русский язык сегодня : сб. статей. — Вып. 4 : Проблемы языковой нормы. — М., 2006.

Липецкий государственный педагогический университет

Никонов В. М., доцент кафедры современного русского языка и методики его преподавания

E-mail: a_fedorkova@mail.ru

Тел.: (4742) 32-84-21

Lipetsk State Teacher Training University

Nikonov V. M., Candidate of Philological Science, Assistant Professor of the Modern Russian and Methods of Teaching Department

E-mail: a_fedorkova@mail.ru

Tel.: (4742) 32-84-21